XX 63/11
1
Государствен.
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 9

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ
1958

ОКТЯБРЯТА

С. МАРШАК

Кто это спросонок
Жмурится с утра?
Это октябрёнок.
В класс ему пора.

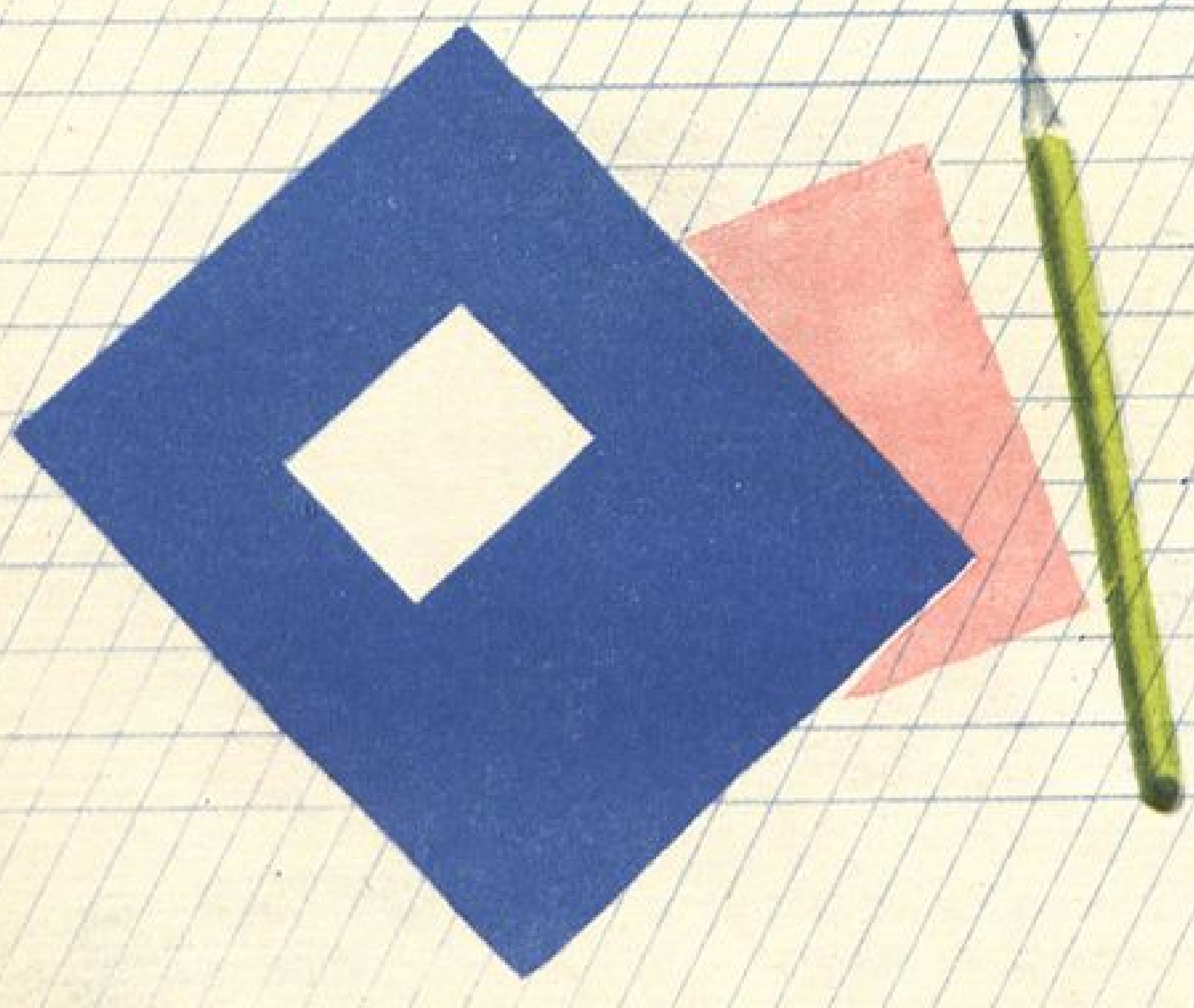
В школу октябрята
Ходят по часам.
Вот без провожатых
В класс идёт он сам.

Входит в класс, в котором
Тридцать октябрят.
Все ребята хором
«Здравствуй!» говорят.

Книжки и тетрадки
У ребят в порядке.
Все они урок
Знают назубок.

Все они читали
По складам сперва,
А теперь читают
Целые слова.

Кончили ребята
Строчки букваря.
Ай да октябрята,
Дети Октября!



п-59-3761
Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Новому читателю

С. МАРШАК

Эту короткую песню мою
Я посылаю в печать.
Тем я в подарок её отдаю,
Кто научился читать.

Новый читатель пожаловал к нам.
Это хорошая весть!
Очень приятно, что может он сам
Каждую строчку прочесть.

Школе спасибо! Спасибо тому,
Ктс напечатал букварь.
Будто принёс он в глубокую тьму
Яркий волшебный фонарь.

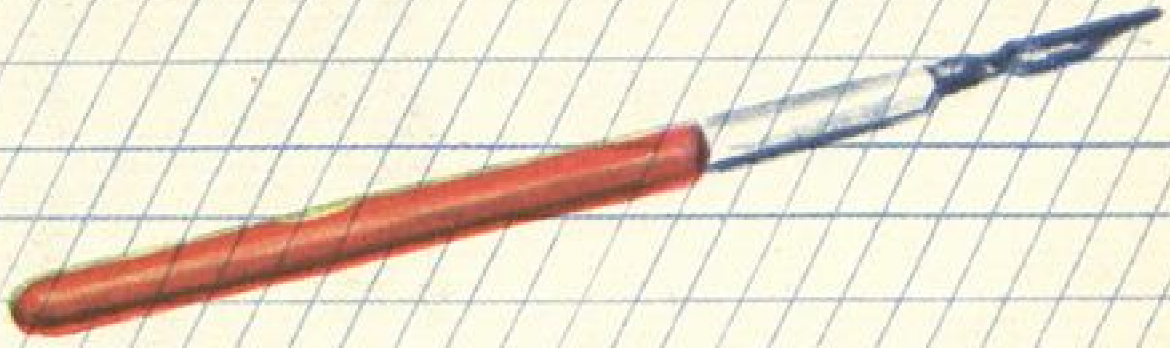


Рис. Е. и М. АФАНАСЬЕВЫХ

Клякса

С. БАРУЗДИН *Рис. В. ЛОСИНА*

На парте рядом со Светланой сидит Виталик.

Вот однажды вызвала учительница Виталика к доске и попросила решить задачу. Виталик дома урока не выучил и не знал, как задачу решать.

— Плохо, — сказала Вера Николаевна. — Придётся двойку поставить.

Виталик расстроился. Что делать? Сел он за парту, на двойку посмотрел, от огорчения ручку стал грызть.

Вдруг с пера чернильная клякса упала — хлоп! — прямо в дневник. Как раз на двойку пришлась.

Светлана увидела кляксу и спросила:

— Ты чего это кляксу посадил?

— Да так, нечаянно, — ответил Виталик.

Вечером папа спросил Виталика:

— Что это за клякса у тебя в дневнике?

— Да так, нечаянно попала, — объяснил Виталик, а сам подумал: «Неужели папа не заметил двойку?»

Папа больше ничего не сказал. Значит, и правда не заметил.

Через несколько дней опять Виталик не выучил урока. Снова Вера Николаевна недовольна.

— Плохо, — сказала она. — Опять двойку придётся поставить.

А Виталик стоит и улыбается, будто обрадовался. «Не боюсь я теперь двоек», — думает.

— Ты чему это радуешься? — удивляется учительница.

— Да ничему, — говорит Виталик. — Это просто у меня лицо такое...

Сел Виталик на место, взял ручку, опустил её в чернильницу и — хлоп! — кляксу в дневник. Как раз на двойку попал!

Светлана увидела кляксу и спросила:

— Ты чего же это кляксу посадил в дневник?

— Да так, нечаянно, — бодро сказал Виталик. — Я очень неаккуратный человек.

Во время перемены Светлана подошла к Виталику и предложила:

— Давай вместе дома уроки делать? Или у тебя, или у меня.

— А зачем? — спросил Виталик. — Зачем их делать... вместе?

— Вместе веселее, — сказала Светлана. — И мне веселее, и тебе. Приходи сегодня ко мне.

— Ну, давай! Приду! — неохотно пообещал Виталик.

С этого дня Светлана и Виталик стали уроки вместе делать. Один день дома у Светланы, другой — у Виталика. Потом опять у Светланы и опять у Виталика. Светлана сидит за столом свои уроки готовит, а Виталик — свои. Как что непонятно Виталику, он у Светы спрашивает.

В конце недели отец Виталика посмотрел дневник: нет в нём новых клякс, зато две четвёрки появились.

— Очень рад, Виталик, что ты перестал быть неаккуратным человеком! — сказал он. — Кстати, когда увидишь Светлану, передай ей от меня привет!

ТРУДНОЕ СЛОВО

Ребята писали диктант.

Учительница Вера Николаевна произносит слово, а ребята его в тетрадки записывают. Много слов уже записала Светлана в свою тетрадку, но пока не сделала ни одной ошибки. Слова всякие — лёгкие и потруднее, но Светлана знает, как их писать, поэтому не ошибается.

Диктант подходил к концу. Вера Николаевна последнее слово назвала:

— Помидор.

Света написала слово «помидор» в тетрадке, а потом вдруг задумалась: «Правильно или неправильно? Вроде трудное слово попалось».

Решила к своему соседу Виталику в тетрадку заглянуть. А как он это слово написал?

Светлана посмотрела в тетрадку Виталика, а у него написано так: «памидор».

Света взяла ручку и исправила в своей тетрадке «о» на «а». Получилось, как у Виталика: «памидор».

— А теперь ещё раз проверьте слова и сдавайте тетради, — сказала учительница.

Светлана стала проверять слова, дошла до «помидора» и опять задумалась: «Правильно или неправильно?»

Решила у Вовы Сидорова проверить.

Света повернулась назад, где Вова сидит, и просит:

— Покажи!

Вова показал ей свою тетрадку, а у него это слово совсем иначе написано: «памедор».

Света взяла ручку и исправила в своей тетрадке «и» на «е». Получилось, как у Вовы: «памедор».

Наконец Светлана сдала тетрадку Вере Николаевне, а утром узнала, что у неё в злополучном слове сразу две ошибки. В других словах ни одной, а в «памедоре» — две.

— Так всегда получается, — сказала учительница, — когда человек на себя не надеется.

Буду милиционером

М.-С. ЯХЬЯЕВ *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

Мой старший брат Атай давно обещал взять меня к себе, в Махачкалу, посмотреть большой город, в котором я никогда ещё не был. И вот однажды он приехал и сказал:

— Собирайся, завтра поедем.

Перед самым отъездом брат меня предупредил:

— Беру тебя с одним условием: в городе не зевай. Это тебе не по скалам лазать. В два счёта потеряешься.

— Ну что ты! — успокоил я его. — Я в лесу ни разу не потерялся, а в городе и подавно, там ведь люди всё-таки...

В Махачкалу мы приехали в двенадцать часов. Когда автобус миновал горы и перед нами открылась Махачкала, я даже испугался: так много в ней было домов. А за домами я увидел море. Оно было похоже на синюю стену, закрывавшую небо до середины.

Автобус остановился на большущей площади, где толпилось столько народу, сколько я за всю свою жизнь не видал.

— Зачем здесь столько людей? — спросил я Атая. — Собрание будет?

Брат рассмеялся:

— Что ты, Гаджи! Ведь это базар.

— Базар? А где же ишаки?

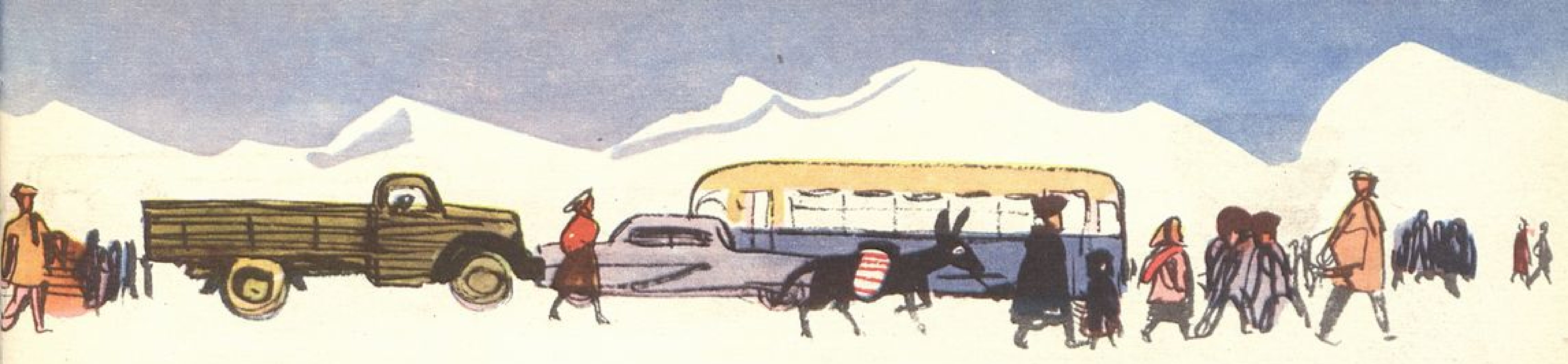
— Ишаки тоже есть. Только немного: здесь товары возят на машинах. Пойдём, мне надо кое-что купить.

И мы пошли в толпу. Брат что-то купил у колхозников, стоявших за длинными столами, а я смотрел по сторонам и удивлялся, сколько на базаре всякой всячины: и продуктов, и посуды, и других товаров. Много здесь было и непонятного, но Атай был так озабочен своими покупками, что я не решался его расспрашивать, чтобы не рассердить.

Потом мы выбрались из толпы и вдруг очутились перед небольшим домиком: у него вместо стен были сплошные окна от земли до самой крыши, а за стёклами сидела толстая тётя в белом халате. Атай заплатил ей деньги и подал мне маленький холодный как лёд пакетик, завёрнутый в розовую бумажку.

— Ешь, — сказал он. — Это мороженое.

Я ещё в ауле слышал от ребят про мороженое, но не знал, что оно такое вкусное — сладкое-сладкое! Вот только слишком холодное. У меня даже пальцы озябли. Я сдавил мороженое ладонями,



чтобы немного согреть его, а оно растаяло и потекло мне на руки.

— Что ты делаешь! — рассердился Атай, увидев это. — Вымазался весь! Ешь скорей, а то ничего не останется.

Тогда я принялся уплетать мороженое за обе щеки, а после облизал пальцы и даже с рукава слизнул сладкую капельку.

Пошли дальше. Ой, какие большие дома я видел! А сколько машин на улицах! И всё разные — грузовики, автобусы, «Победы», красные, жёлтые, коричневые, как шоколадная конфета!.. Глаза мои так и разбегались по сторонам, но я всё-таки не успевал всё разглядеть.

Весь день мы ходили по городу, по магазинам. Пообедали в большой столовой, где трое дяденек очень громко играли на разных инструментах и на барабане. А после пошли в магазин покупать мне пальто на зиму. В это время уже наступил вечер. По всем улицам загорелось много лампочек, стало светло как днём.

Пальто мы выбрали хорошее, с пушистым воротником. А когда я со свёртком вышел на улицу, то со мной и случилась неприятность, о которой я хочу рассказать.

Всё началось с того, что в широком окне соседнего магазина я увидел большой стеклянный ящик, наполненный водой, а в воде плавали рыбы — настоящие, живые рыбы! И всё в этом ящике было настоящее: и трава, и песок, и камешки на дне. Позади ящика горели лампочки, и было хорошо видно, как рыбы, шевеля прозрачными плавниками, важно проплывали в траве, широко разевали рты и косились на меня круглыми глазами. Ой, до чего это было интересно! Я просто оторваться не мог от этого замечательного ящика.

— Атай, — говорю, — посмотри, какие рыбы! Атай!..

Обернулся я и не увидел своего брата. Идут мимо люди, много незнакомых людей, а Атая среди них нет.

— Атай! — закричал я. — Где ты, Атай?!.

Прохожие стали на меня оглядываться. Несколько человек остановилось. Кто-то спросил меня:

— Ты что кричишь, мальчик? Какого тебе Атая? Я тоже Атай.

— Да не вас! Мне брата надо!

И вдруг я увидел Атая на другой стороне улицы. Я бросился к нему, чуть под машину не угодил, схватил за руку. Он обернулся, и я увидел, что это вовсе не Атай, а какой-то незнакомый, с большим носом, какого у Атая никогда не было.

— Тебе чего? — спрашивает этот дяденька с носом.

Но я не стал ему объяснять, повернулся и побежал обратно. И кричу:

— Атай, Атай!..

И тут я со всего разбега, так что сам едва не упал, налетел на одного человека. Смотрю, а это милиционер. Такой же, как у нас в ауле, только сапоги очень блестящие.

— Ты что мчишься, как на пожар? — спрашивает милиционер. — Чего потерял?

— Нет, я не на пожар. Я Атая ищу! — говорю я.

— Кто это?

— Это мой брат. Вы его не видели?

— А какой он, твой Атай?

— Какой... Высокий, в папахе.

— Высоких в папахе много, — говорит милиционер. — А где вы живёте?

— В ауле, далеко живу, а брат здесь.

— На какой улице?

— Вай, не знаю... Я и не был у него никогда. Мы сегодня только приехали, —

отвечаю я и едва сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

— Вот так штука! — говорит милиционер. — Плохо дело.

Он потрогал мой свёрток и говорит:

— А это что такое?

— Это моё пальто, брат мне купил...

— Та-ак... — Милиционер покачал головой и потянул меня за руку. — Ну, пойдём со мной.

Тут я совсем перепугался. «Наверно, — думаю, — милиционер решил, что пальто не моё, что я украл его, и сейчас поведёт меня в тюрьму».

— Товарищ милиционер, отпустите меня! Это моё пальто, честное слово!

— Пойдём, пойдём, — говорит он, не выпуская моей руки. — Там разберёмся.

Пришлось идти. Плетусь я за милиционером, и очень плохо у меня на душе. «Вот, — думаю, — посадят меня в тюрьму, и никто из родных не узнает, где я. А мама-то как будет плакать!..»

При мысле о маме я и сам не выдержал и заплакал. Милиционер посмотрел на меня и нахмурился:

— Ты это что? Зачем плачешь? А ещё мужчина!..

— Дяденька, вы меня в тюрьму ведёте?

— Не реви. Всё выясним и брата найдём.

«Ну, значит в тюрьму!» — решил я.

А милиционер идёт, поглядывает на меня и чему-то усмехается. «Вот, — думаю, — какой злой: ведёт человека в тюрьму, а сам смеётся!»

Пришли в милицию. Заходим в одну комнату, там полно милиционеров. Меня стали спрашивать, сколько мне лет, где живу, кто отец, в каком классе учусь и какая у брата фамилия.

Я говорю:

— Мусаев, как у меня.

Меня отвели в соседнюю комнату, посадили на диван, и один из милиционеров, с серебряными погонами, говорит:

— Сиди здесь, не плачь и помни: у нас баловаться нельзя. На вот журналы, посмотри. И это возьми, чтобы не скучно было.

И что вы думаете? Насыпал мне на ладонь конфет в красных бумажках с надписью «Мятная».

Когда он ушёл, я осмотрел комнату. Ничего комната. Диван, столы, лавки вдоль стен стоят. Вот она, значит, тюрьма какая. И вовсе ничего нет страшного. И милиционеры совсем не злые, даже конфеты дали. Я одну попробовал — хорошая конфета. У неё такой вкус, что после во рту словно просторнее становится.

И тут я вспомнил, как однажды в ауле милиционер Ахмед Алиев увёл в тюрьму нашего соседа Мусу. Муса был плохой человек. Он пил водку, дрался и украл в колхозе двух баранов.

«Неправильно это, — думал я, — что такого человека, как Муса, в тюрьму посадили. Он баранов украл, а его конфетами будут кормить. Это совсем несправедливо!»

И я удивился, почему так плакала и убивалась мать Мусы, старая Джавхарат, когда её сына уводил Ахмед. Небось сама-то никогда в тюрьме не была, а то бы не плакала!..

Спустя немного времени пришёл милиционер с серебряными погонами и спрашивает:

— Ты, сынок, наверно, кушать хочешь?

— Нет, — говорю. — Я конфет поел.

— Этого мало. Сейчас мы тебе супу

дадим и баранины с кашей. Ты любишь кашу?

— Люблю.

Накормили меня до отвала. Тут ночь наступила. Меня положили спать на диване и даже подушку дали под голову.

— Спи, — говорят, — завтра твой брат отыщется.

Утром я проснулся потому, что играло радио. Сначала музыку передавали, потом раздался женский голос:

— Говорит Махачкала. Передаём объявления. Вниманию родителей! Четвёртое отделение милиции сообщает, что задержан мальчик девяти лет, потерявший брата. Фамилия Мусаев, зовут Гаджи. Просим зайти за мальчиком в четвёртое отделение.

— Я не потерялся! — закричал я. — Я здесь! Это Атай потерялся!..

И мне почему-то снова очень захотелось плакать, но я сдержался. А милиционеры, которые сидели в соседней комнате, все хором засмеялись. Потом мне опять дали есть. И чаю с печеньем дали. И до самого обеда милиционеры всё подшучивали надо мной, но только мне не было обидно, потому что ничего такого особенного они не говорили.

После обеда вдруг открывается дверь и входит мой брат, сердитый, лицо бледное.

— Ну, — говорит, — хватит с меня! Больше не рассчитывай со мной в город ездить! Сказано тебе было, чтобы не зевал по сторонам!..

— Атай, — говорю я, — а меня арестовали! Но ты не беспокойся, здесь хорошо!

— Пойдём! — отвечает мой брат.— Вот несчастье на мою голову!

Провожая нас, милиционеры попрощались со мной за руку, а тот, что с серебряными погонами, сказал:

— Смотри, больше не теряйся!..

На улице я говорю Атаю:

— Хорошо в тюрьме! Конфеты дают...

Атай засмеялся и надвинул мне шапку на нос.

— Хорошие люди милиционеры! — сказал я. — Кабы не они, так я совсем потерялся бы, правда?

— Конечно, — ответил Атай. — Они важные дела делают...

И вот с тех пор я твёрдо решил, что, когда вырасту, обязательно буду милиционером.

Перевёл с кумыкского и обработал
Дмитрий ПОЛЯНОВСКИЙ

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Кто?

Е. ПЕРМЯК

Рис. Е. КОРОТКОВОЙ

Заспорили как-то три девочки, кто из них лучшей первоклассницей будет.

— Я буду лучшей первоклассницей, — говорит Люся, — потому что мне мама уже школьную сумку купила.

— Нет, я буду лучшей первоклассницей, — сказала Катя. — Мне мама форменное платье с белым фартуком сшила.

— Нет, я... Нет, я, — спорит с подругами Леночка. — У меня не только школьная сумка и пенал, не только форменное платье с белым фартуком есть. Мне ещё две белые ленточки в косички подарили.

Спорили так девочки, спорили — охрипли. К подружке побежали. К Маше. Пусть она скажет, кто из них самой лучшей первоклассницей будет.

Пришли к Маше, а Маша за букварём сидит.

— Не знаю я, девочки, кто самой лучшей первоклассницей будет, — ответила Маша. — Некогда мне. Я сегодня должна ещё три буквы выучить.

— А зачем? — спрашивают девочки.

— А затем, чтобы самой плохой, самой последней первоклассницей не оказаться, — сказала Маша и принялась снова читать букварь.

Притихли Люся, Катя и Леночка. Не стали больше спорить, кто лучшей первоклассницей будет. И так ясно.

Славный ток

В. КРИВИН *Рис. Е. ГАЛЕЯ*

Ток торопится, спешит
На работу срочную.
Дальний путь его лежит
В область потолочную.

Трудный путь:
То вверх, то вниз.
Ток — прекрасный альпинист,
Смелый и бывалый.
На любые этажи
Он по проводу взбежит,
Не устав нимало.

Лампочка.
В её кружке
Жизнь висит на волоске.
Очень тонкий волосок,
Как мышиный усик.
Побледнел бедняга ток,
Дрогнул,
Но не струсил.
Всюду ждут его услуг,
Току очень рады
Плитка,
Радио,
Утюг —
Торопиться надо!

Он с утра не пьёт, не ест
В трудовой горячке.
Дело есть и в МТС
И на водокачке.

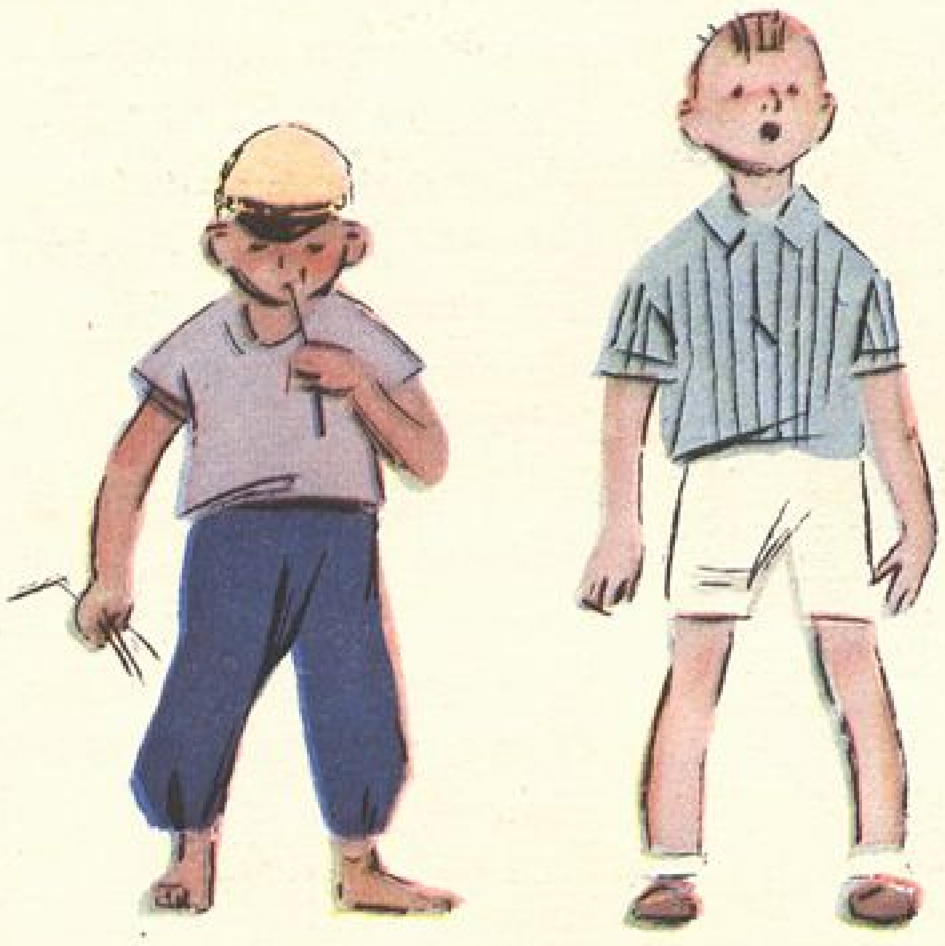
Прибежит он на завод —
Там его работа ждёт,
Вовремя поспел он.
Ну, давай включайся, ток,
Заводи станки, браток,
Видишь,
Сколько дела.

НОВАЯ ДОРОЖКА

ЮРИЙ ЕРМОЛАЕВ

Рис. М. УСПЕНСКОЙ

Этим летом Андрюша поселился на даче у папиной сестры — тёти Клавы. Тётина дача стояла в самом центре посёлка. За ней через дорогу начинался сосновый бор. Лес этот все жители



прозвали певчим, потому что в нём никогда не умолкало пение птиц. Словно тысячи маленьких скрипок звучали вместе, и каждая исполняла свою чудесную мелодию.

А в саду тёти Клавы птиц почти не было. Разве что воробьи, которые только и делали, что трещали, точно они были не воробьи, а сороки.

Как-то Андрюша и Костик, сын тёти Клавы, возвратились домой с речки и видят: сидит на кусте жасмина, что растёт у самой дорожки, воробей, да такой худенький, что даже клюв у него вытянулся и стал похож на нос Буратино.

— Надоели мне эти чирикалки! Сейчас я его прогоню, — сказал Костик и поднял с дорожки комок земли.

Но тут воробей открыл клюв и так удивительно защёлкал, что у Костика от неожиданности даже комок земли из рук выпал.

— Это же соловей! — прошептал Андрюша.

— Он! — подтвердил Костик.

Соловей оборвал пение и, взмахнув крылышками, исчез за кустами.

— В лес полетел, — сказал Костик и предложил Андрюше выстругать биту для игры в городки.

Немного погодя Андрюша посмотрел на куст и толкнул Костика в бок: соловей сидел на той же ветке, держа в клюве соломинку. Потом он положил соломинку в развилку между ветками и слетал за новой.

— Никак гнездо вьёт! — ахнул Костик.

— Поможем ему, — сказал Андрюша и, собрав несколько пожелтевших травинок, хотел положить их в гнездо.

Но Костик дёрнул его за рукав.

— В гнездо нельзя, — сказал он. — Соловей тогда жить в нём не будет. Клади вот на эту ветку, — может, заметит.

Сначала соловей ничего не замечал, по-прежнему летал за соломинками в лес, а потом вдруг склонил голову набок, выпустил из клюва травинку и улетел.

— Неужели спугнули?! — заволновались ребята.

Но соловей вернулся очень скоро, и не один, а с соловьихой. Они сели на ветку рядом с гнездом, и соловей, смешно вертя клювом, стал показывать подруге свою работу.

— Наверное, хвалится, что так быстро сделал, — засмеялся Костик.

Но гнездо оказалось ещё не готово. Соловьиха переворошила все травинки по своему вкусу, потом они стали вместе летать за пухом и устилать им гнездо.

Костик тут же предложил распороть свою подушку и вынуть из неё немного пуху. Подушка не пострадает, а соловьям не придётся летать так долго. К несчастью, в комнате оказалась тётя Клава, и его затея не удалась. Однако и без их помощи гнездо строилось быстро.

— Теперь не улетят, — радовались мальчики.

Но как раз тут-то и произошла одна неприятность. К тёте Клаве пришла молочница и почти у самого гнезда стала громыхать бидоном и кружкой. После неё прибежала соседка и тоже, точно нарочно, остановилась рядом с кустом и закричала:

— Есть кто дома, а?!

Соловьи выпорхнули из гнезда и сели на растущую у забора сосну.

— Не будут они тут жить!.— вздохнул Андрюша.

— Нет, будут, — решительно заявил Костик и зачем-то потянул Андрюшу в сарай.

Оттуда мальчики вышли с лопатами. А через час от калитки к дому пролегла новая дорожка. Прямо от забора она шла в глубь сада, оставляя куст жасмина далеко в стороне.

— А чтобы по прежней не ходили, мы вот что сделаем!

Костик притащил откуда-то два столбика и доску. Мальчики врыли столбики в землю и прибили к ним доску. Проход был загорожен.

— Всё в порядке, — сказал Костик, заколачивая последний гвоздь.

— А где же соловьи? — вдруг спросил Андрюша, взглянув на куст.

— Должно быть, за кормом улетели, — предположил Костик.

Но подошёл вечер, а соловьи всё не возвращались.

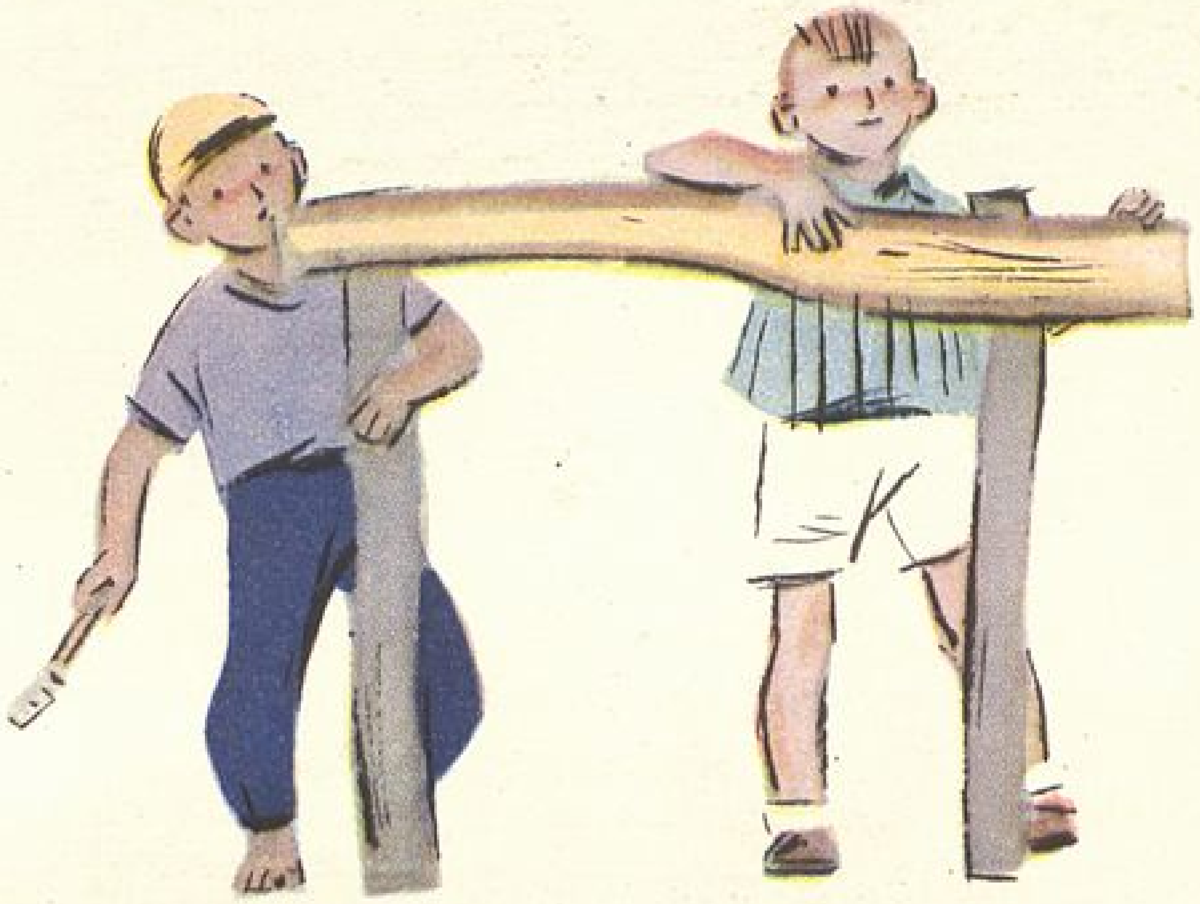
— Распугала соседка! — сердился Костик.

— Мы тоже зря молотком так сильно стучали. Твоя бабушка, на что плохо слышит, и то дверь на терраску прикрыла.

— Придёт отец, нам ещё за доски достанется, — сказал Костик. — Давай отобьём их, всё равно теперь ни к чему.

Костик принёс молоток, но вдруг так и замер с поднятой вверх рукой. «Свирк-трюль-дриль», — пронеслось по саду.

— Прилетели! Андрейка, прилетели! — закричал он что есть силы.



— Тише ты, тише! Ведь спугнёшь! — замахал на него руками Андрюша.

Мальчики бесшумно сложили инструменты и под соловьиную трель на цыпочках понесли их в сарай.

Мальчику из Италии...

Евг. ЖУКОВСКАЯ
Рис. Г. ФИЛИППОВСКОГО

Почтальон позвонил в квартиру большого ленинградского дома. Ему открыл черноглазый, смуглый мальчик.

— На, Саша, получай!.. Сегодня ещё больше, чем вчера! — сказал почтальон и протянул мальчику пачку писем.

Мальчик улыбнулся. Чёрные глаза его ярко сверкнули.

— Спа-си-бо, — сказал он медленно, растягивая слоги. — Спа-си-бо, синьор!..

Мальчик побежал в комнату к матери.

— Переведи, мама, — попросил он, подавая ей письма.

Мать стала рассматривать письма и вдруг засмеялась.

— Письмо без адреса! На нём написано: «Ленинград. Мальчику из Италии». И больше ничего... О, Сандрино, ты у нас совсем как папа Римский. В Италии только ему пишут без адреса!..

Она раскрыла письмо и стала читать его вслух, переводя на итальянский язык.

Но о том, что было в письме, расскажем позднее. Сейчас же несколько слов о самом адресате.

Черноглазого мальчика звали Сандро Томази. Он приехал в нашу страну из маленького итальянского городка Вогеро.

Сандро — по-русски Александр. И он захотел, чтобы его теперь называли Сашей.

Саша-Сандро ещё не успел сделать в своей жизни ничего героического. Он даже пока не прославился успехами в школе, потому что русский язык давался ему не так-то легко. Почему же ребята из разных городов и сёл Советского Союза слали ему сотни писем?

Они стали писать ему после того, как он выступил по радио и рассказал о себе и своих родителях, о том, как они жили в Италии.

Мать Сандро, Зоя Алексеевна, — русская. Она родилась и выросла в Ленинграде. В начале Отечественной войны семнадцатилетней комсомолкой она добровольно ушла на фронт сандружинницей.

Её батальон оказался в окружении. Зоя Алексеевна была ранена и попала в плен. Фашисты пытали её, били, потом отправили в концентрационный лагерь, а из лагеря — на принудительные работы в Германию. Она работала на немецком авиационном заводе.

Советские люди, которые попали на этот завод, старались, как могли, вредить фашистам. Вместе со всеми Зоя Алексеевна портила готовые части самолётов, перерезала электрические провода в цехах, писала листовки, в которых сообщалось о том, как продвигались вперёд советские войска.

Её схватили и посадили в тюрьму. Однажды ночью сброшенная с самолёта бомба повредила стены тюрьмы. Зое Алексеевне вместе с другими узниками-итальянцами удалось бежать.

Опасными, крутыми горными тропинками, через Австрию, они пробрались к итальянской границе.

Так Зоя Алексеевна очутилась в Италии. Она вышла замуж за рабочего-коммуниста Карло Томази. Несмотря на то, что Карло был хорошим мастером своего дела, он часто сидел без

работы, и в доме иногда не на что было купить хлеба.

Вскоре в семье Томази родился сын — Сандро. Когда он подрос и должен был пойти учиться, в бесплатную школу его не взяли, потому что его отец был коммунист.

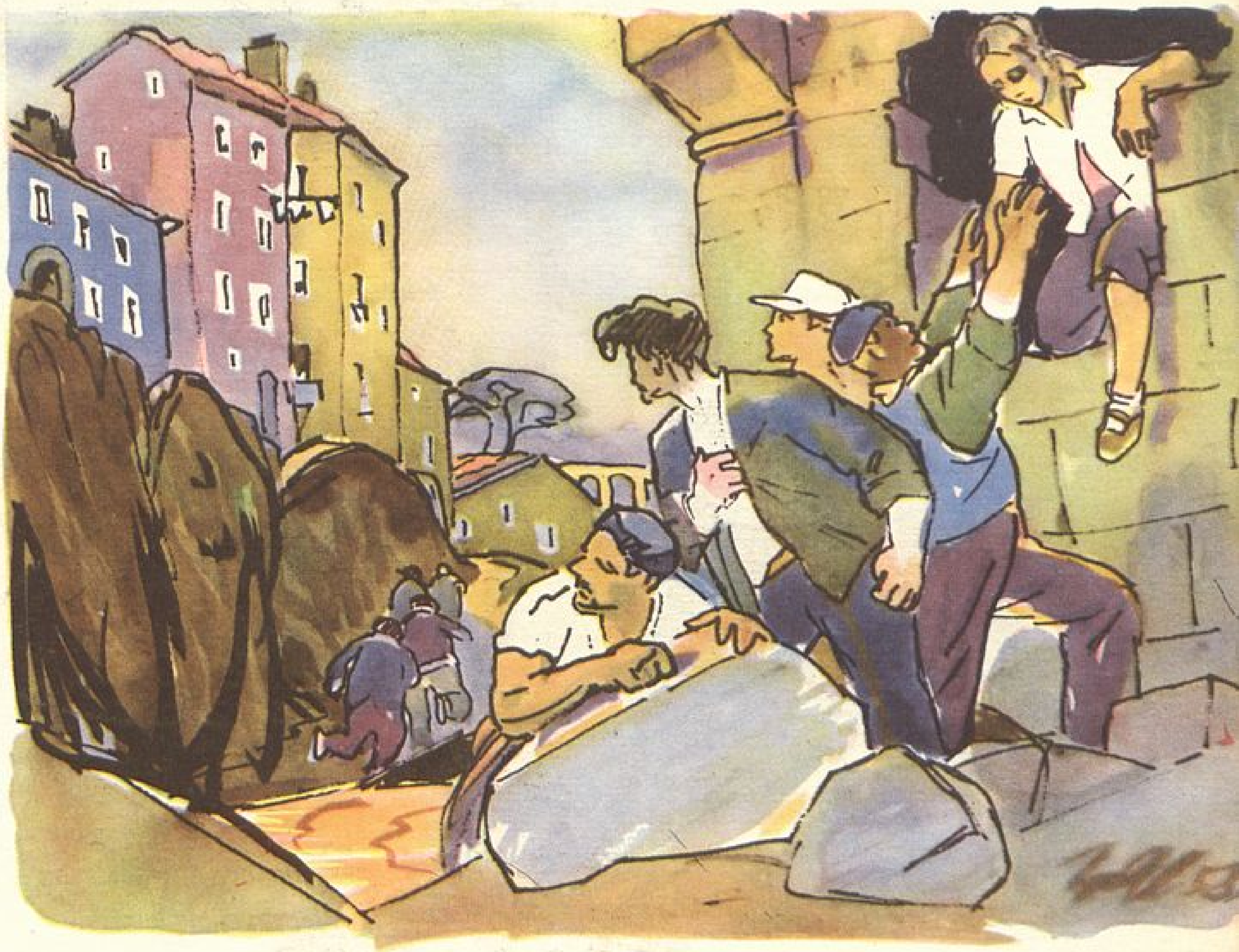
Родители отдали мальчика в платную школу.

Платить за учение сына было трудно, но родители предпочитали голодать, лишь бы Сандро учился.

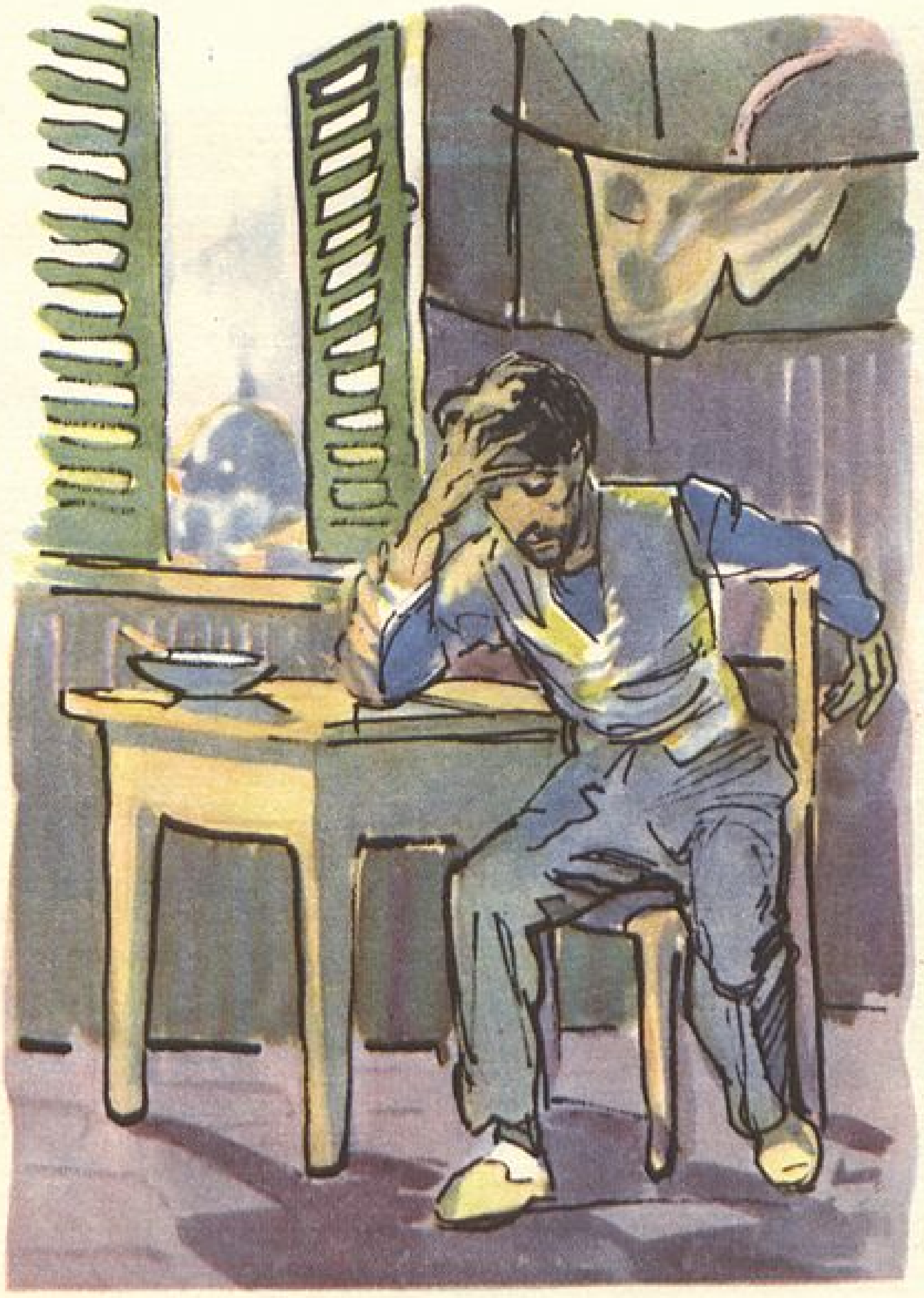
Двенадцать лет прожила Зоя Алексеевна в Италии. Но она всё время помнила, что она русская, и стремилась на Родину. Зоя Алексеевна сумела и мужу и сыну внушить большую любовь к своей стране.

Теперь семья Томази живёт в Советском Союзе. Карло — опытный мастер — сразу получил работу: он делает модели новой обуви на фабрике «Скороход». На этой же фабрике работает и Зоя Алексеевна.

...И вот Саша Томази, советский школьник с красным галстуком пионера, стоит подле своей матери и слушает, как она читает ему письма от ребят.



Саша получил письма от ребят Москвы и Свердловска, Минска и Вологды, Караганды и Ухты, Чугуева и Тбилиси, Костромы и Ташкента и ещё из многих городов нашей необъятной Родины. Все ребята в письмах называли его своим другом, звали в гости, посылали свои фотографии и в один голос уверяли, что в нашей стране ему будет очень хорошо.



«Дорогой мальчик из Италии, давай будем дружить с тобой! — говорилось в письме Лены Васениной из города Кирова — той девочки, которая написала на конверте просто «Мальчику из Италии».

«О том, понравилось ли тебе у нас в Советском Союзе, не буду и спрашивать — не может быть, чтобы тебе у нас не понравилось!» — написала Галя Ловкачёва из города Калинина.

«Ты, наверно, очень рад, что приехал в Советский Союз, а ты знаешь, сколько ещё разных людей, и детей и взрослых, радуются вместе с тобой твоему счастью!» — пишет Лида Алексеева из города Загорска Московской области.

А Неля из Ташкента предвещает Саше хорошее будущее:

«Ты говорил, Саша, что очень любишь музыку, — пишет она. — Когда вырастешь, можешь стать знаменитым музыкантом. В нашей стране каждый человек может осуществить свою мечту!»

Много любви и искренней дружбы вкладывают ребята в свои письма мальчику из Италии. От всей души они хотят, чтобы Сандро Томази нашёл в нашей стране вторую родину.

ПЕСЕНКА ПРО ЗВЁЗДОЧКУ

З. АЛЕКСАНДРОВА *Рис. В. КОНСТАНТИНОВА*

Где же эти красные
Звёздочки горят?
На груди у школьников,
Наших октябрят.

Вместе с пионерами
Нам весело идти.
Маленькая звёздочка,
свети,
свети,
свети!

В школе много школьников,
Ленинских внучат.
Песни октябрятские
Радостно звучат.

Вместе с пионерами
Нам весело идти.
Маленькая звёздочка,
свети,
свети,
свети!

Этих ясных звёздочек
Больше с каждым днём.
Хорошо мы учимся,
Смелыми растём.

Вместе с пионерами
Нам весело идти.
Маленькая звёздочка,
свети,
свети,
свети!

ГРЯДКА

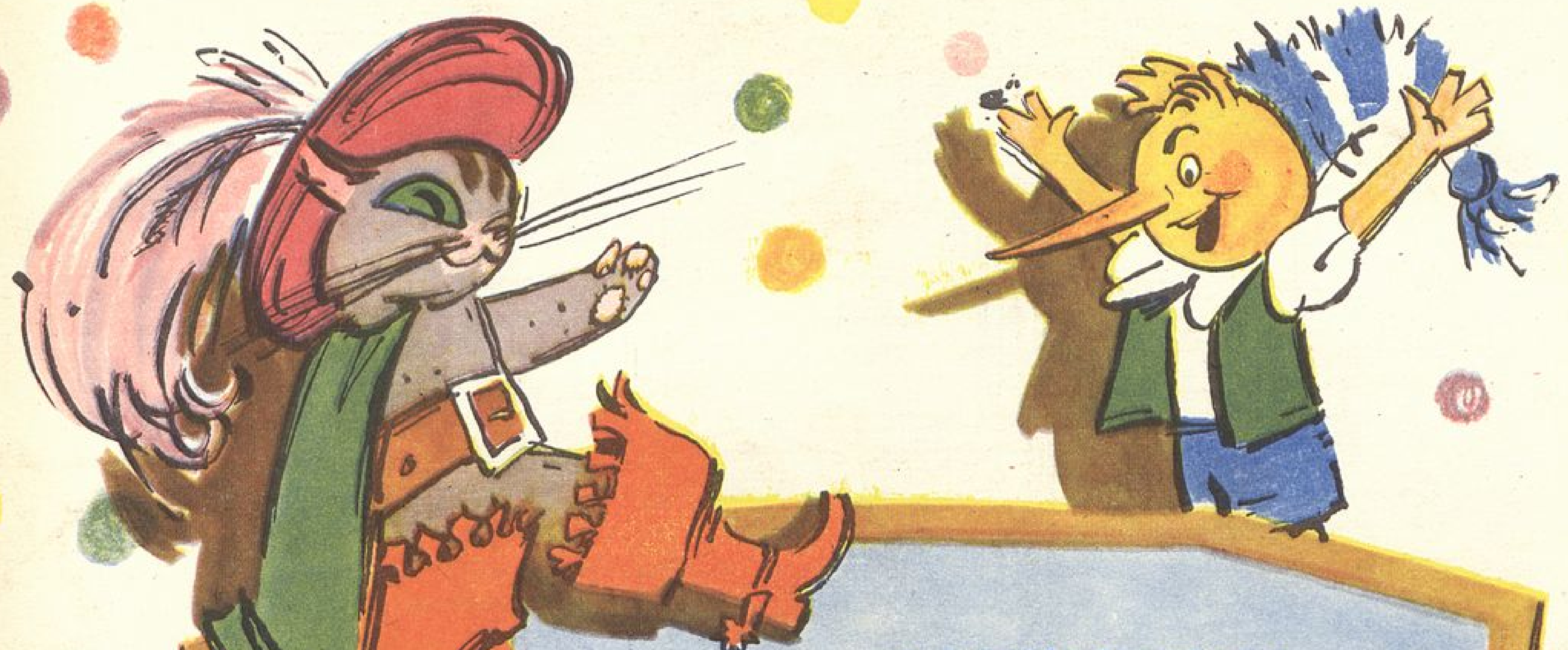
Я расскажу вам всё по порядку.
Звёздочка наша сделала грядку
И посадила в землю в рядки
Жёлтые семечки—ноготки.

Ну, а друзья про это не знали,
Заново грядку перекопали.
Вновь семена сажая туда,
Ждали, что вырастет резеда.

Вот и уроки кончились в школе,
Грядку свою мы дружно пололи,
Вырвали с корнем всю резеду,
А ноготки остались в саду.

Наши друзья пришли на прополку.
Что ж резеды не видно так долго?
Ишь, разрослись одни сорняки!
Да и подёргали ноготки!

Кто на кого тут может сердиться?
И для настурций грядка годится!



З. АЛЕКСАНДРОВА

Школьный бал

Сегодня бал у октябрят.
«День куклы» в первом классе.
Смущённо мальчики сидят —
Алёша, Коля, Вася.

Им интересней корабли,
Ракеты в чёрном дыме.
Но и они на бал пришли
С любимцами своими.

Наверно, Буратино тут
И плюшевые мишки,
Но их пока не достают
Из сумок ребятишки.

А девочкам легко играть:
Они знакомят дочек.
Начнут им косы поправлять,
Завязывать платочек...

Но вот Петрушка сунул нос
Во все ребячьи ранцы.
И тут веселье началось,
И музыка, и танцы.

Сплясал матрёшек хоровод
Свою смешную пляску,
Кот в сапогах, учёный кот,
Рассказывал им сказку.

Весёлый фокусник-медведь
Пришёл на зов Петрушки.
Стал Буратино громко петь
Про октябрят частушки.

А в перерыв оркестр утих,
За стол артисты сели.
Но есть не научили их —
За них ребята ели.

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Русская народная сказка

Жил-был заяц в лесу. Летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить овёс воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уже стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

— У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи — я никого не боюсь!

Зайцы и рассказали тётке вороне про эту хвасту. Тётка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокориной. Заяц испугался.

— Тётка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

— Боле не хвастай!

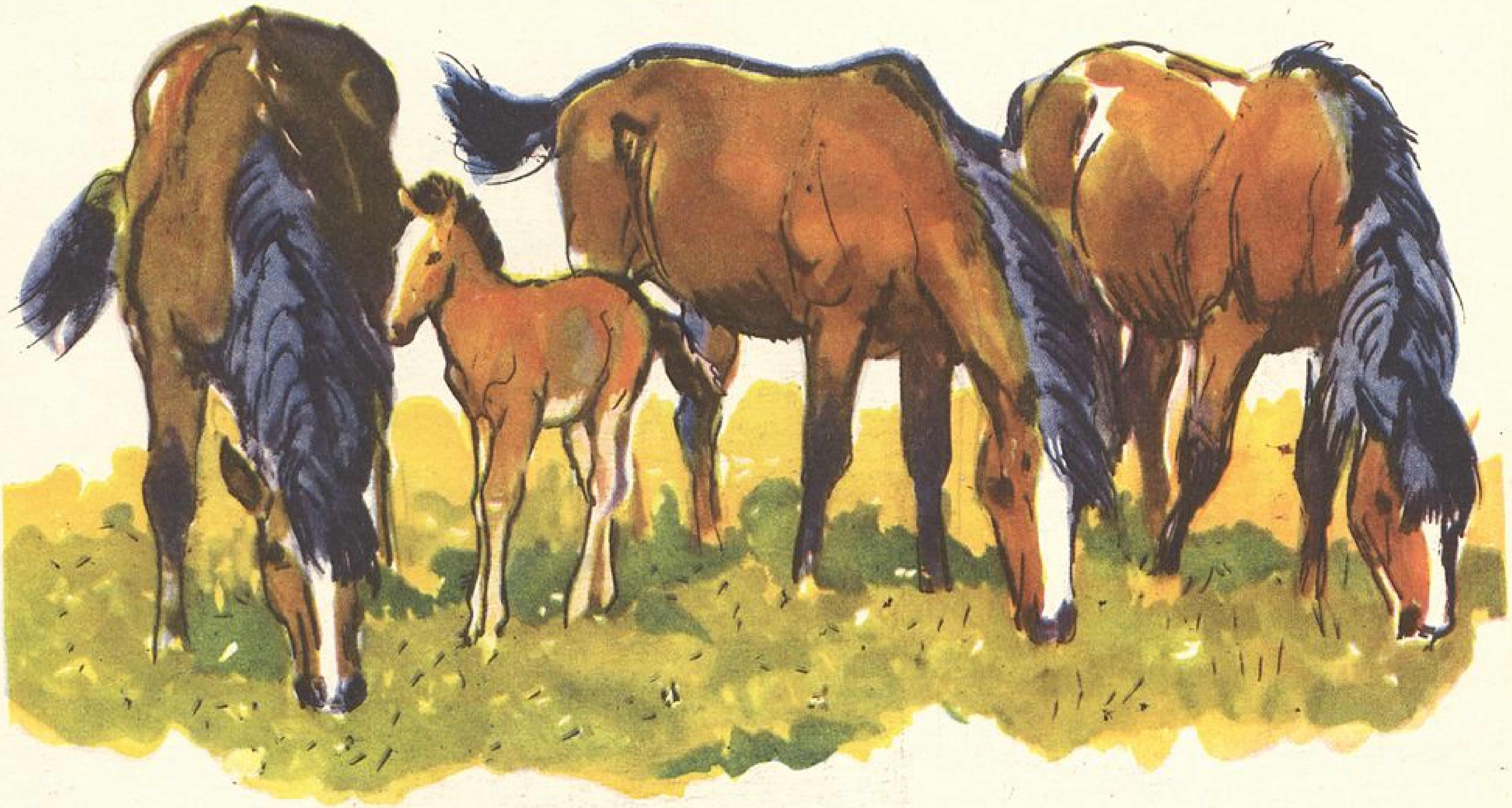
Раз сидела ворона на заборе. Собаки её подхватили и давай мять, а заяц это увидел. «Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидали зайца, бросили ворону да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушёл.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец! Не хваста, а храбрец!

Рис. Е. РАЧЁВА



Из рассказов, присланных на конкурс

МАЛЬЧИК

С. ПОЛЕТАЕВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

До июля Лёшка и его напарник Витька пасли колхозных коней в Сороковейской лощине. Когда же от солнца пожухла трава, а жаркий суховей забил её пылью, выпасы перенесли за Истью, на заречные луга, где было много сочной болотной травы.

Река была широкая, течение сильное, и табун перегоняли через Истью без жеребят. И первое время всякий раз, когда взрослые кони спускались к броду, малыши беспокойно носились по берегу, тянули морды вслед своим матерям и тоненько и нервно голосили. Кони медленно погружались в воду, скрываясь в ней по самую шею, долго плыли, а перевалив быстрину, снова вырастали из воды. Они выходили на берег и разбредались в заречных лугах, поросших мелким кустарником.

Вскоре жеребята привыкли к тому, что их матери ежедневно исчезали за рекой, спокойно пощипывали травку, уже не волнуясь и не глядя им вслед.

Только Мальчик, гнедой жеребёнок с яркими озорными глазами и белой звёздочкой на лбу, с чуткой шелковистой кожей и лёгкими длинными ножками, подолгу стоял, тревожно всматриваясь в заречную даль, туда, где бродили в кустарниках взрослые кони, далёкие и маленькие, как кузнечики. И часто, обнюхав воду, Мальчик осторожно входил в реку, но, испуганный сильной волной, шарахался к берегу и, раздувая ноздри, прерывисто и заливчато ржал. И столько в голосе его было обиды и нетерпенья, что Райка, мать его, иногда показывалась на том берегу и, встряхивая гривой, качала головой, словно хотела успокоить сына.

Он был неспокойным жеребёнком,

озорным и непослушным, но Лёшка любил его больше других жеребят. Не раз прогонял он его от воды, отманивал хлебом, ласково ругал его, но ничто не помогало: непонятная сила тянула жеребёнка к реке.

В сумке, висевшей у Лёшки за плечом, вместе с едой обычно лежала книжка. Когда, бывало, разомлев от жары, жеребята дремали, Лёшка устраивался под кустом и читал.

И вот однажды, зачитавшись, Лёшка не заметил, как Мальчик вошёл в реку и пустился вплавь. Лёшка увидел его, когда тот уже был на самой быстрине. Он бросил книгу и полетел к реке.

— Мальчик! Мальчик! — кричал он, махая рукой. — Сюда плыви, ко мне!

Жеребёнка заметно сносило влево. Он старался прибиться к берегу, но его уносило всё дальше и дальше, туда, где берег исчезал в болотистой пойме, заросшей камышами.

Лёшка свистел, призывно чмокал губами и даже размахивал краюшкой хлеба, но Мальчик, вытягивая морду, катился вниз и, наверное, ничего уже не слышал. Голову его захлёстывало водой. И Лёшке уже казалось, что река вот-вот сомкнётся над ним и поглотит навсегда.

И тогда Лёшка бросился в воду и, подхваченный течением, поплыл наперерез. Волна била в лицо, качала перед глазами пену и водоросли. Отплёвываясь и ничего не видя перед собой, он плыл и плыл, пока вдруг не возникла перед ним голова жеребёнка. Тогда он ухватился за его скользкую и убегающую шею.

Мальчик косил на него расширенным от ужаса коричневым зрачком, ноздри его выдували ямки в воде, а шея, изогнутая и напряжённая, вздрагивала от прикосновения пальцев.

— Держись, Мальчик! — устало просил его Лёшка, подгребая воду рукой. — Немного продержись.

В шуме бегущей воды он слышал, или так ему казалось, как глухо и быстро стучит сердце жеребёнка. Под ладонью он чувствовал, как мягко колышется тёплая шея.

Теперь их уже вместе несло вниз, а вверх по течению медленно уходили берега, и где-то совсем далеко, почти невидные, зеленели заречные луга, и кони лениво щипали траву, и среди них была Райка. А ведь она совсем не знала, что сейчас борется с быстрой рекой её малыш, которому так хотелось быть уже взрослым конём и вместе со всем табуном пастись на заречных лугах!..

Мимо Лёшки и Мальчика, чуть в стороне, медленно проплывали снежные бутоны лилий, поддерживаемые зелёными ладошками листьев. Это надвигалась болотная пойма.

Неизвестно, хватило бы у них сил выбраться на берег, и всё, может быть, окончилось печально, если бы вдруг не послышалось далёкое и тревожное ржанье. Это Райка, вытянув голову с развевающейся гривой, рысью мчалась вдоль реки. Всё ближе и громче слышался топот её копыт. И вот она рядом...

Поднимая брызги, Райка влетела в воду и поплыла. Вскоре она была перед ними и, гулко фыркая, мягкими губами прихватила Мальчика за холку. Огромные и сизые глаза её жадно оглядывали сына, а на длинных ресницах, как слёзы, блестели капельки воды.

Лёшка взобрался на скрытый под водой широкий Райкин круп, схватил Мальчика за гриву, и теперь все они вместе спокойно и медленно, как на буксире, поплыли к берегу.

Вот Райка ступила на дно. Из воды показалась её рыжая блестящая шея со спутанной гривой, перевитой стебельками речной травы, потом широкая, как палуба, спина, на которой восседал Лёшка. За ними тянулся усталый Мальчик. Дрожь волнами перекатывалась по его влажной шелковистой коже. И Лёшка тоже — то ли от прохлады, вдруг повеявшей с реки, то ли от возбуждения,— как и Мальчик, мелко дрожал.

И тогда вдали показался Лёшкин напарник Витька. Он пас коней на заречных лугах, а теперь мчался на жеребце, лихо щёлкая кнутом.

— А я уж думал — каюк, — сказал он, придерживая повод.

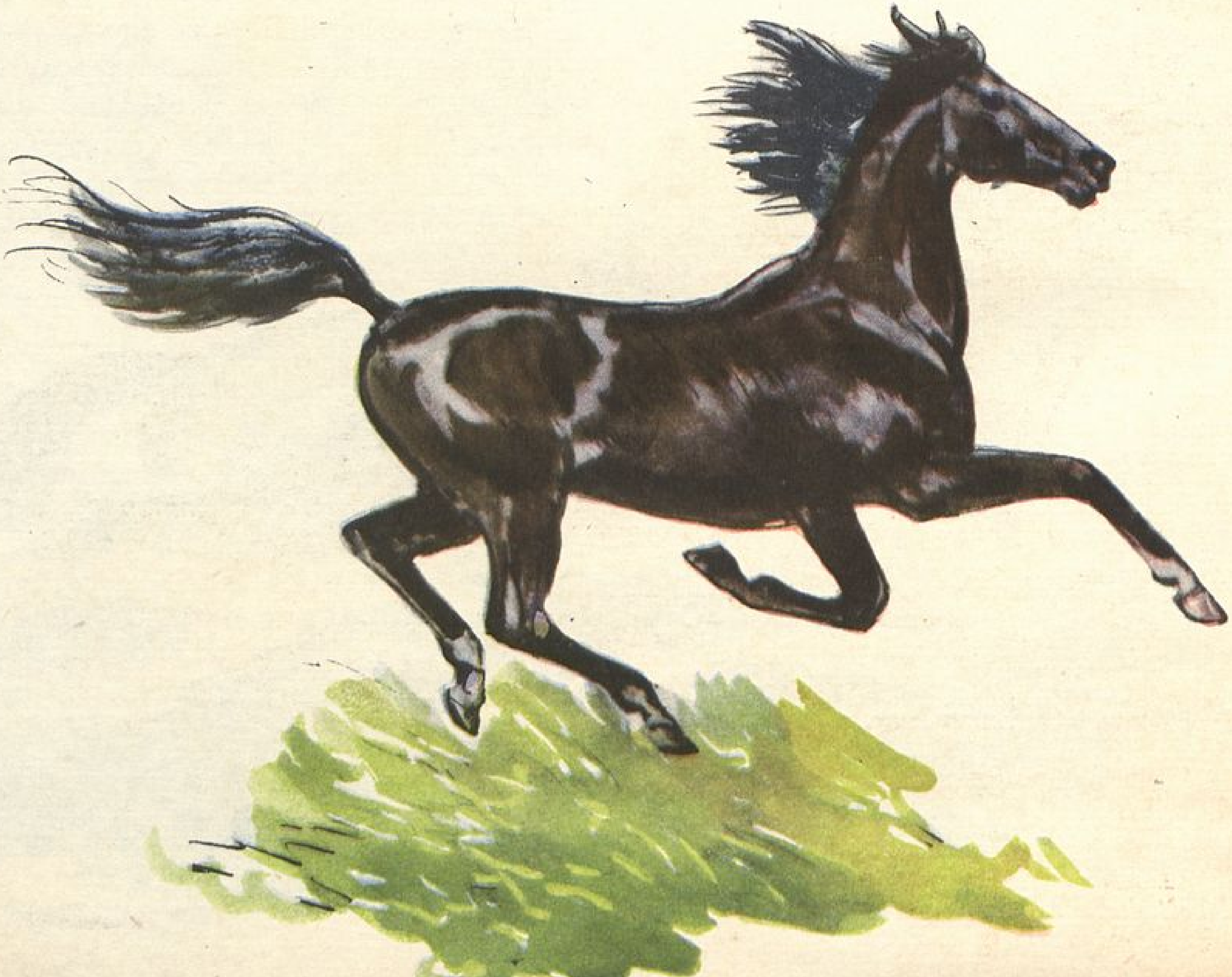
Лёшка спрыгнул с лошади, молча отжал рубаху, поглядел на другой берег, туда, где остались жеребята, потрепал Мальчика за ухом. Жеребёнок ответил на ласку — потёрся о Лёшкину щёку. Глаза его снова озорно и ярко вспыхнули, и вдруг он тоненько и победно заржал.

Лёшка притянул к себе Мальчика и рассмеялся. А потом повернулся к Витьке и сказал:

— С завтрашнего дня будешь брать его с собой. Пора и ему в табун.

Лёшка любил Мальчика, но отдавал его Витьке с радостью. Ведь он и сам хотел скорее вырасти и понимал Мальчика, которому не терпелось стать настоящим конём. Это у Мальчика, наверное, кончалось детство.

А мимо всё так же несла свои воды широкая Истья, и там, далеко внизу, берега её исчезали в болотистой пойме, заросшей камышами.



ИТОГИ конкурса

Наш журнал закончил конкурс на лучший рассказ.

Жюри конкурса в составе писателей С. Баруздина, Н. Богданова, Л. Воронковой, Ю. Либединского и редактора журнала Л. Виноградской (председатель жюри) вынесли следующее решение:

1. Первой премии не присуждать никому.
2. Вторую премию присудить:

   САХАРНОВУ С. В. (г. Ленинград) — рассказы „Самый лучший пароход“ и „Два радиста“,

   МЕНЬШИКОВУ М. П. (г. Фрунзе) — рассказ „Кулайпа“.
3. Третью премию присудить:

   ЛУГОВСКОМУ П. Т. (г. Таллин) — рассказ „Крякающий подарок“.

   РУДАКОВОЙ Л. М. (г. Фрунзе) — рассказ „Богатырь Кадыр“.

Кроме премированных, жюри отобрало ещё ряд рассказов, которые рекомендовало к печати.

Это рассказы:

ПОЛЕТАЕВА С. Е. (г. Москва) „Мальчик“ и „Свеча“.

МЕДВЕДЕВА В. В. (г. Свердловск) „Без уменья нет ученья“.

НЕДОЛЯ И. К. (г. Адлер) „Поводырь“.

Все премированные и отмеченные рассказы будут напечатаны в журнале в течение 1958—1959 годов.

ЖЮРИ КОНКУРСА

На обложке рисунок В. АНДРИЕВИЧА

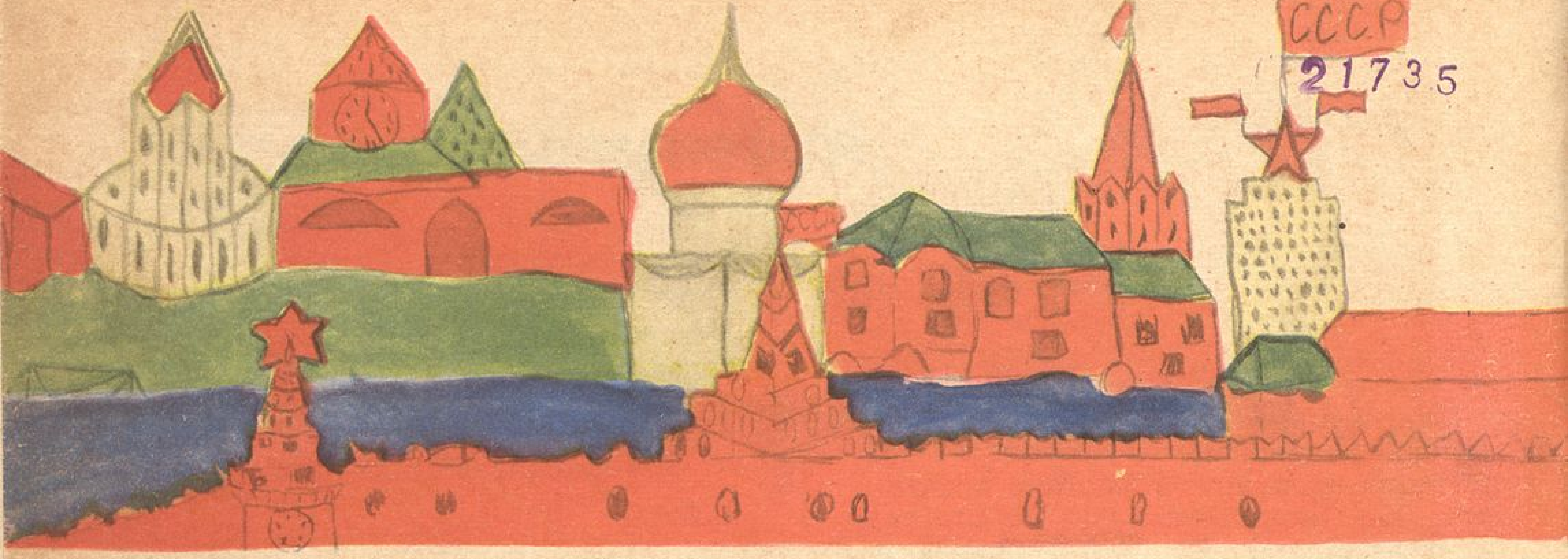
Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Ю. КОРИНЕЦ, М. КОРШУНОВ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор Ю. Молоканов *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать четвёртый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 24/VII 1958 г. Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1453

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.



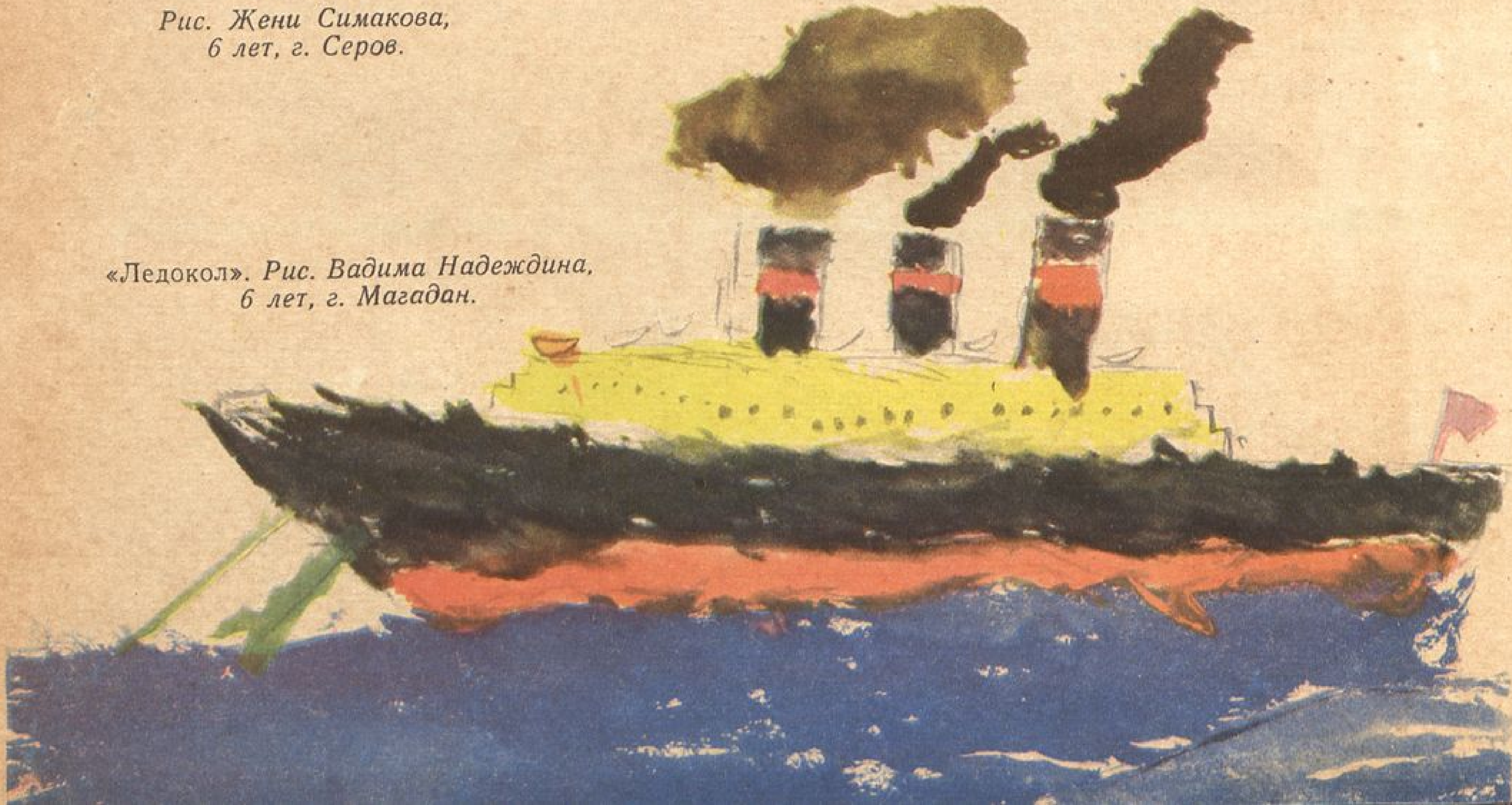
21735

«Кремль». *Рис. Саши Петренко, 8 лет, г. Алма-Ата.*

«Уточка».
Рис. Жени Симакова, 6 лет, г. Серов.

«Девочка идёт на парад».

«Петрушка».

Рис. Зои Глонти, 5 лет, г. Тбилиси.

«Ледокол». *Рис. Вадима Надеждина, 6 лет, г. Магадан.*